

МОЛОДЕЖЬ В ПРОСТРАНСТВЕ ЦЕННОСТЕЙ ЭТНИЧЕСКИХ КУЛЬТУР: ИНТЕГРАЦИЯ И СЕПАРАТИЗМ (НА ПРИМЕРЕ РТ)

© Д.М.Давлетшина

В данной статье мы обратимся к исследованию универсальных механизмов, которые способствуют формированию культурного потенциала молодежи как в моноэтнических, так и полиэтнических регионах, в том числе в эпоху тотальной глобализации. Одной из задач данной работы является изучение этнокультуры в качестве площадки для сохранения и распространения в первую очередь универсальных общечеловеческих ценностей.

Ключевые слова: этнокультура, полиэтнический регион, этносепаратизм, коэкзистенциализм.

Современный мир нестабилен и полон возможностей разного рода самопроявлений личности молодого человека: от холистических до контркультурных (в рамках общественных организаций – от религиозных общин до криминальных субкультур). Соответственно, для координации этой энергии необходимы внешние условия – факторы (идеологические, политические и социальные), способствующие формированию культурного потенциала молодежи и ее позитивной самореализации. Необходимы компетентные фасилитаторы – координаторы этой культурной среды – представители социальных институтов, участники культурных индустрий. Очевидно, что актуальная задача – выявление во всей совокупности элементов культурной среды региона тех оснований и механизмов, которые могли бы предоставить молодому человеку возможность для погружения в ценностно-нормативное пространство не догматичным, но предельно ясным для него способом.

Несмотря на всю кажущуюся утопичность и "несвоевременность" идеи, все же существует эффективный метод, имеющий многовековую историю, представляющий нам уместным и отвечающим поставленным задачам. Мы имеем в виду взаимодействие личности с основами традиционной этнической культуры, приобщение ее к базовым этнокультурным ценностям. Не имеет принципиального значения конкретная этническая принадлежность индивидуума, так как механизм воздействия культурной среды на социализирующуюся и инкультурирующуюся личность является общим. Безусловно, существует ряд национально-политических факторов, отражающихся на формировании этнического сознания молодого человека, проживающего в полиэтническом регионе. Эти особенности (связанные с языком, государственным устройством, политикой мультикультурализма или этноконфликтами) специфичны в каждом отдельном

случае. Однако существуют и универсальные механизмы, опробованные в контексте исторического развития этносов Поволжья на протяжении нескольких веков. Естественно, сами механизмы также претерпевают огромные изменения в период информационно-медийного взрыва, но все же они существуют, и нашему изучению доступны их методологические основания.

Традиционно ценностное разнообразие этнических культур рассматривалось как внешний фактор, отчуждающий различные этносы друг от друга. Эксклюзивный набор идентификационных параметров всегда был поводом для жесткого разграничения этносов между собой даже для тех, которые проживают на единой территории. Отстаивание собственной уникальности стало фундаментом для построения конфликтологического дискурса, включающего в себя социальные, культурные, политические процессы и явления, разросшегося к концу 20-го столетия до невероятных масштабов. Возросло количество исследований этнологического характера, в различных областях гуманитарных дисциплин. Естественно, центральной осью большинства работ являются проблемы толерантности, экстремизма, национальной идентификации, геополитики и др. Многие исследователи признают ядром этнокультуры набор ценностных ориентаций, однако акцентируют внимание в первую очередь на их специфической совокупности, которая и определяет всю сложность межэтнического взаимодействия.

В данной статье мы обратимся к исследованию универсальных механизмов, которые способствуют формированию культурного потенциала молодежи как в моноэтнических, так и полиэтнических регионах, в том числе в эпоху тотальной глобализации. Одной из задач данной работы является изучение этнокультуры в качестве площадки для сохранения и распространения в первую очередь универсальных общечело-

веческих ценностей. Этот ракурс проблемы позволит нам увидеть в поликультурном многообразии мощный гуманистический ресурс, который может выступать как позитивный внешний фактор формирования культурного потенциала молодежи.

Для этого мы используем аксиологический подход – обратимся к базовым этнокультурным ценностям. Этнокультурные ценности являются ядром целостного этно-конструкта (во всей полноте его проявлений). Они имеют амбивалентную природу, так как, с одной стороны, они универсальны, а с другой – обладают индивидуальными свойствами. Таким образом, они выполняют две основные функции: интегрирующую и сепарирующую. Дихотомичность данных процессов становится не столь принципиальной в том случае, если первичным и доминирующим в формировании личности становится процесс универсализации, то есть приобщение через этническую культуру к экзистенциальным общечеловеческим ценностям и знакомство с культурными универсалиями. Процесс же сепаратизации становится вторичным и дополнительным. Личность осознает уникальность свою и своего этноса, а также то, что культурные универсалии имеют различия (в языке, ритуалах, мифах, в том, как по-разному проявляется запрет на incest, отношение к детям или собственности). Однако если личность усваивает структурно-эстетическое единство мировой культуры, то в этом случае процесс направлен не на выстраивание дистанции между "Своим" и "Чужим", а на конструктивное осознание индивидуальности каждого этноса и на соблюдение паритета во взаимодействии между ними. В более глобальном, государственном масштабе происходит смена принципов государственности с этносепаратизма на этнический коэкзистенциализм, то есть на мирное взаимовыгодное сосуществование.

Социализация личности всегда происходит в рамках определенного культурного фона, а знакомство с культурными ценностями, даже общечеловеческими, происходит сообразно данным социокультурным стереотипам. "Культура не может быть отвлеченно-человеческой, она всегда конкретно-человеческая, то есть этническая" [1]. Таким образом, личность всегда приобщается к экзистенциальному, трансцендентному через конкретное, в данном случае – этническое.

Соответственно, если человек в силу объективных обстоятельств (влияние универсальной медиасреды, миграционных процессов, ассимиляции одних народов с другими, этно-политические противостояния и т.д.) игнорирует систе-

му накопленных этнокультурных опытов, тем самым он усложняет процесс собственных интросубъективных взаимодействий в данной системе. В целом же такого рода социальная тенденция ведет к системной дисфункции, когда этническая культура и ее социальные агенты выполняют свои функции – мировоззренческую, нормативно-ценностную, воспитательно-социализирующую, культуротворческую, самореконструкции и модерации (поддержание динамики культурных процессов, не разрушающих "культурное ядро" – ее центральную зону) – редуцированно, то есть частично. Личность теряет возможность глубинной интерпретации текста того мира культуры, в котором он живет, сохраняя лишь способность скольжения по его поверхности. "Несхватываемость" – вот сущность такого движения. Личность не осознает себя в качестве элемента культурной системы, а потому не оставляет ни сколько-нибудь заметных отпечатков, ни дает иным ее элементам влиять на себя, предпочитая ротацию в событийном здесь-и-сейчас мире.

Так разрушается культурный потенциал личности, затрудняется формирование культурного потенциала региона, так как его качество зависит от вектора деятельности отдельных личностей, их индивидуальной активности. Поэтому актуальны средства, ведущие к погружению в этнос и через его структурно-смысловые элементы в мир общечеловеческих ценностей. Такого рода проводниками, связывающими личностный потенциал с фундаментальными архаико-онтологическими структурами, являются *базовые экзистенциальные ценности и традиционные социально-нормативные основания, заложенные в кодах национального языка, формах устного народного творчества – эпосах, мифах, сказаниях, притчах; а также творческий этос личности и этноса, явленный в произведениях искусства, обрядах, ритуалах и других культуроформах. Все эти элементы – суть этнической традиции, аккумулирующей социальный исторический опыт, имеющей анонимный, соборный, коллективный характер.*

Так как мы рассуждаем о процессах, происходящих непосредственно в РТ, то необходимо отметить, что – это особенный полиэтничный регион, не имеющий себе аналогов по этнокультурному составу. В нем переплетаются традиции культур славянских (русские, украинцы, белорусы), тюркских (татары, чуваша) и финно-угорских народов (мордва, марийцы, удмурты), наряду с православием и исламом функционируют языческие верования. Несмотря на кажущуюся несочетаемость парадигматических оснований

культурных систем этих этносов, на примере множества этнографических, лингвистических, социологических и антропологических исследований мы можем обнаружить общность лексических, социальных и художественных практик.

Общность традиций этнических самовоплощений может стать социально-культурным универсумом, центральной зоной которого являются единые ценностные ориентации. Вычленение единых ценностных ориентиров в совокупности с учетом специфики менталитета того или иного этноса может способствовать построению эффективного механизма формирования культурного потенциала личности, его актуализации. При наличии оптимальных внешних факторов это станет опорой культурной модернизации региона. Основания для новых ценностей, таким образом, необходимо искать в уже реализованных, зарекомендовавших себя традициях, в том числе традициях единого события в пространстве множественности культур.

Как уже было сказано, одним из центральных идентификационных признаков, культурной универсалией любого народа является язык. Изучение языка дает возможность как погружения в определенную культурную среду, так и выявления тех особенностей менталитета, на основании которых можно выстраивать социальные модернизационные процессы и, учитывая которые, необходимо выстраивать образовательные концепты. Таким образом, процесс языкового выражения ценностной картины мира позволяет соотнести языковые знаки с потребностями практической ориентации социума и сблизить их с человеком как творцом культуры. В этом смысле "символическая" роль языка как базовой этнической ценности доминирует над его коммуникативной функцией.

С помощью свободного ассоциативного эксперимента, который дает возможность выявить ядро языкового сознания, было выявлено, что интегрирующим суперконцептом различных этносов является концепт "Человек". Макроконцептами, лежащими в основе концептосферы "внутренний мир человека", являются концепты "душа" и "дух". С внешним миром человека связаны бытовые артефакты: дом-жилье, национальная одежда, сюда же относятся социальные отношения, термины родства. Именно со сферой быта соотносятся так называемые "вечные" ценности, характерные для того или иного культурного типа. Понятие человек, в первую очередь, связывается с понятием жизнь. Эта первичная универсальная ценность, явленная в большинстве человеческих языков.

Существуют и особенности, которые связаны с интерпретацией этого понятия. Интересная разница прослеживается между ядром языкового сознания представителей славянских культур и, например, вьетнамской. Отличительной особенностью последней является то, что человек не мыслится как личность, а только в составе толпы (друзья, дети, человечество). Для русских человек в первую очередь представлен как социальное животное (живое существо, разумный, хороший, друг). Для англичан же человек – тап в первую очередь связан с понятием woman, а потому и оценивается признаками: красивый, сильный, сексуальный, агрессивный и т.д. В татарской картине мира "человек" выражается лексемами "кеше", "адэм". "Так, фразеологизм *кеше булу* в татарском языке имеет значение стать человеком, выбиться в люди: *кеше жанлы* – душевно щедрый; *кеше хагы* – чужая доля (деньги, вещи); *кешенең кемлеген беләсең килсә, иптәшләренә кара* – скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты; *галым булмак жиңелдер, адэм кеше булмак читендер* – букв. ученым стать легко, а человеком стать трудно" [2: 21].

Общие и специфические черты также выявляются в интерпретации концептов "мужчина" и "женщина" в русском и татарском языках. Так, например, к ядерной зоне концепта "мужчина/мужик" в русском языковом сознании относятся признаки "сильный" и "пьет", а в татарском варианте концепт "ир" связан в первую очередь с признаком "красивый". Например, в зону дифференциации концепта "мужчина/мужик" входят яркие признаки: с хорошей фигурой, солидный, живет в деревне, неопрятный; концепта "ир" – крупный, почтительно относится к старшим, любит детей. Для татарского языкового сознания нехарактерно экспонирование отношений мужчины с противоположным полом, и наоборот, мужчина носителями татарского языка ярко и разнообразно связывается с семьей и с профессиональной деятельностью [3: 98].

Концепт "женщина" также отличается у татар и русских. В результате анализа аксиологических характеристик, определяющих семантику лексем с компонентом "красота", было установлено, что мотивы положительной оценки женской внешности в русском и татарском социумах имеют разные основания. Так, к примеру, при оценке привлекательной женщины в русском языке преимущественно имеют место эмоциональные критерии, указывающие на способность вызвать симпатию, расположение. В татарском языке мотивами положительной оценки выступают психологические основания, такие как ум, духовная близость, "умение нравиться" [4].

Еще один важный языковой концепт "дом" или "йорт" у татар. Для носителей русского языка наиболее важными представляются такие ассоциации, как семья, уют, крепость, очаг, родной, тепло, уютный, родители, светлый, большой, дети, то есть основные ассоциаты – семья и назначение (защита, убежище) [5]. У татар же есть 2 слова, обозначающих понятие дом. "Ой" более интимно, больше связано с домашним уютом, родственными отношениями, это пространство внутри стен дома. "*Йорт*" ассоциируется со зданием вообще, причем необязательно жилым, оно образует особое пространство, обжитое человеком. Для предков татар, часто кочевавших с места на место, *йорт* – это своего рода особая модель мира (ср. *юрта* у казахов). *Йорт* создает особое пространство, преобразованное трудовой деятельностью человека, приспособленное к его нуждам и потребностям [6].

Таким образом, мы видим, что при безусловном наличии общих ассоциативных значений, каждая культура являет через язык свою специфику, связанную с особенностями ее географического, исторического развития, а также сформированную под влиянием тех или иных конфессиональных доминант.

Выявленные сейчас нами доминанты в определении языковых концептов подтверждаются этнографическими и социологическими исследованиями. Они подчеркивают специфику менталитета русского и татарского народов.

Исследуя духовные факторы развития социального потенциала татарского села, Г.Р.Аглымова определяет этические принципы этой культуры как *полное исключение экзальтированности, нарочитости, агрессивности*. Пишет, что "поощряется сдержанность, учтивое обходительное поведение, мягкая неоскорбительная шутливость, вежливое отношение к женщинам, особенно старшим. В высшей степени поощряется трудолюбие и старательное учение. Высоко, как нигде, котируется фигура учителя" [7: 13]. Именно эти акценты мы могли видеть при интерпретации слов человек, мужчина, женщина (красота, сдержанность, мудрость, служение).

Доминирующее личностное начало, свободолюбие, проявленные в центральной зоне русского языка, явленные через ассоциаты концептов "человек", "мужчина", выступают как центральные качества русского народа. Важные черты русских – человеколюбие и терпимость, высокая гражданская солидарность, готовность прийти на помощь – сосуществуют с анархичностью, независимостью. "Русский человек, возлагая на власть ответственность за решение собственных жизнеполагающих вопросов, в то же время не

уважает власть, не испытывает к ней того пиетета, который свойственен, к примеру, восточным культурам" [8: 23].

Такое различие менталитетов, выраженное в языке и образе жизни, связано с конфессиональными установками христиан и мусульман, климатическими условиями проживания, историческими судьбами. Однако при этом мы обнаруживаем свойства, которые отличают ментальность тех и других от ментальности американцев, вьетнамцев или жителей западной Европы.

Другими этническими элементами, образующими особую среду, в контексте которой происходит формирование культурного потенциала личности (в первую очередь его ценностной составляющей), являются: игровое, ритуально-обрядовое действо, устное народное и художественное творчество, декоративно-прикладное искусство и т.д.

Игры, художественное творчество раскрывают творческий этос личности, актуализируют ее креативный ресурс. Это происходит, например, через использование импровизации, которая обязательна в народном исполнительском искусстве. В народной культуре прошлого и настоящего она предстает как отклонение от эталонного образца. Это могут быть интонационно-мелодические распевы в многоголосных лирических песнях, словесные "пассажи" в обрядовых текстах, прибаутках ярмарочных "дедов" и петрушечников, у современных рассказчиков анекдотов, баек и страшных историй, у исполнителей песен и пр. Еще одной родовой характеристикой является вариативность. Она связана с отсутствием буквального повторения образца (слово-в-слово, нота-в-ноту). В сознании традиционного мастера (исполнителя) хранятся и передаются другим не заученные наизусть тексты и образцы, но устоявшиеся стереотипы, структурно-смысловые единицы, способы оперирования ими. Таким образом, повторение образца (инварианта) в народной культуре – не тиражирование копий, а следование образцу, постоянное видоизменение его при сохранении качественной определенности. Носители фольклорных традиций говорят: "То же, да не так" [9: 43]. Использование таких художественных приемов, безусловно, способствует развитию инновационно-творческой составляющей культурного потенциала личности.

Занятие декоративно-прикладным искусством способствует формированию образовательного-профессионального субпотенциала личности, так как, с одной стороны, актуализирует интенцию к реализации личности в конкретно-прикладных "заземлено-значимых" объектах, как правило обладающих бытовым характером, с

другой стороны, увеличивает значимость ценности трудовой деятельности, а также таких свойств характера, как усидчивость и усердие.

Устное народное творчество напрямую связано с формированием социально-нормативной составляющей культурного потенциала. Мораль, содержащаяся в контенте поговорок, пословиц, песен, мифов и былей, ненавязчиво вплетается в сеть значимых вербальных выражений, которыми оперирует личность. Используя народные афоризмы, человек снова и снова апеллирует к их ценностным основам – моральным императивам, принимая их в свою повседневную жизнь.

Русские былины, татарские байты, легенды и предания других народов – все они подчеркивают самобытность тех или иных черт этноса. Одновременно с этим они являются семантическим "сосудом", содержащим в себе историческую память, то есть все те элементы социальной деятельности, которые способствовали выживанию данного этноса. В них присутствуют опыты сохранения собственного этно-конструкта при взаимодействии с другими народами, с внешней природной средой, а также механизмы сохранения внутренней социально-культурной структуры. Соответственно, различные формы устного народного творчества народов, проживающих на территории республики, имеют общие сюжетно-динамические основания, а также морально-оценочные характеристики.

На наш взгляд, содержание именно устных литературных форм: сказов, мифов, былей – содержит в себе наиболее широкий культурно-ценностный пласт. Они включают в себя такой феномен культуры, как "народная мудрость". Это форма практически-духовного освоения мира, тесно связанная с ценностной стороной быденного сознания. Она представляет собой особый сплав повседневного опыта и здравого смысла, эмпирического и всеобщего, и основывается на диалектике универсального, интернационального и национального. Интересно, что сказки различных этносов, особенно проживающих на единой территории, насыщены общечитаемыми символами, метафорами, образами. Как писал В.Я.Пропп в своих структурно-семиотических исследованиях русской сказки, "изменяются названия (а с ними и атрибуты) действующих лиц, но не меняются их действия или функции" [10: 23]. При любом разнообразии персонажей сказок разных народов Поволжья в них отражаются такие нравственные ценности народа, как трудолюбие, доброта, жалость к слабому, победа силы духовной над силой физической, любовь к родной земле, гостеприимство и отрицательное отношение к несправедливости. Это

ценностное пространство разворачивается вокруг архаических праценностей. Архаика не всегда вербализуется в культуре, не кристаллизуется в социальных формах, но оседает на уровне подсознания, психологическом уровне. Проявляясь в аксиосфере сказки, эти праценности делают ее смысл глубочайшим в противовес наивности ее назначения. Утверждение победы добра над злом, порядка над хаосом определяет смысл жизненного цикла сущего живого.

Если исследовать другие формы социального и культурного народного бытия, то при сопоставлении данных этнографических исследований народов Поволжья (русских, татар, марийцев, чувашей, удмуртов и др.) мы можем получить определенную матрицу, в которой выявятся многочисленные совпадения форм внешнего воплощения культурной традиции этноса в бытовой, празднично-календарной, ритуально-обрядовой, декоративно-прикладной сфере. Этому свидетельствуют многочисленные лексические, культовые, обрядовые заимствования, которые произошли в результате активного взаимовлияния культур. Это проявляется в песенном фольклоре, народной музыкальной культуре, празднично-обрядовой традиции и т.д. Многочисленные этнографические исследования могут показать, что поволжский локус стал единым ценностно-информационным пространством, пребывание в рамках которого оставляло отпечаток на личности, создавало ее индивидуальный социально-психологический портрет, отличающий ее от людей, проживающих, например, в Сибири, на Дальнем востоке или в южных регионах России.

Опираясь на этнографические исследования, мы констатируем, что в культуре различных этносов содержатся глубинные онтологические основания социального бытия, сконцентрированные в архетипических образах, культурных практиках, лексических константах. В устном художественном творчестве содержатся морально-этические доминанты и общечеловеческие ценности, свойственные, в том числе, народам Поволжья, являющиеся необходимым условием сохранения как традиционной этнической структуры, так и выживания того или иного этноса в целом. На наш взгляд, существует некая интегрирующая архитектоника, выражающаяся в соразмерном расположении частей (духовных и материальных элементов разных культур), их сочетании в рамках единого этнокультурного пространства народов Поволжья. Совпадения структурно-семантических конструктов, терминологические заимствования, дублирование канонов – все это указывает на существование единых мета (или над) традиционных оснований

культурного развития личности в этой политекстуальной системе.

Приобщение к универсальным этнокультурным ценностям может стать стержнем не только этнической идентификации молодого человека, но определения себя как субъекта единого информационно-культурного социального пространства, ядром которого становятся экзистенциально-ценностные универсумы.

Безусловно, традиционный механизм приобщения к аутентичной этнической культуре, народной традиции претерпел изменения. Но и сейчас сохранились этнокультурные основания социального устройства и бытия и необходимость приобщения к ним. Ответом на этот запрос становятся современные социально-культурные процессы.

Так, например, культивируются архаические религиозно-магические опыты, художественные приемы, оздоровительные практики (в том числе связанные с рождением детей), боевые искусства и т.д. Намечился даже своеобразный параллелизм и одновременно противостояние традиционно-народного и профессионального, специализированного подходов к одним и тем же сторонам жизни и способам отношения к ним (истолкование, сохранение, практическое использование, преобразование и пр.).

Сейчас во всем мире возникает и набирает силу общественное движение, объединяющее в себе аутентичные архаичные практики всех народных культур востока, запада, юга и севера (телесные, музыкальные, прикладные, ритуальные, медитативные, оздоровительные и т.д.), сочетая их с современными социально-культурными инновациями. Это единство обосновывается наличием во всех культурах повторяющихся ценностных оснований – любви, творчества, приобщения к миру, оно дополняется современными ценностными парадигмами – позитивным мышлением, личной свободой в сочетании с личной ответственностью.

Эти общественные инициативы, основанные на экзистенциальных ценностях, сконцентрированных в этнических культурах, воплощаются в разных формах. Например, как любительское творчество, досуговые занятия (семинары, тренинги, практикумы), как охрана культурного и природного наследия (современные акции и движения), как культурные ценности, обладающие тем или иным потенциалом, как субкультурные организации.

Вовлекаясь в деятельность такого рода, личность, находящаяся в мультикультурном пространстве постигает одновременно уникальность как собственного, так и чужого этноса. Культурная диалогичность этого пространства является основополагающим компонентом лингвосоцио-

культурной компетенции личности. Личность отказывается от монологичного мышления, начинает мыслить "истинно, а не шаблонно". Это качество обеспечивает механизм самосохранения и саморазвития культуры, помогает избежать ее стагнации, окаменения и ритуализации. Само вовлечение, которое в традиционной культуре происходило естественными способами в течение жизни, сейчас происходит посредством косвенных механизмов, таких как использование институтов образования и досуга, с помощью ресурса СМИ, социальной рекламы, мотивирующей приобщение к аутентичным культурным практикам в разных их формах.

В любом случае все это способствует тому, чтобы молодой человек – потенциальный социальный носитель этнокультуры – мог полно и адекватно воспринимать культурный текст, его универсальные первоосновы, его ценностные корни, то без чего невозможно дальнейшее гармоничное развитие личности.

* * * * *

1. Уфимцева Н.В. Культура и проблема заимствования // Встречи этнических культур в зеркале языка. – М.: Наука, 2002. – С.158-176.
2. Санлыер Д.Ф. Культурно-национальное мировидение через единицы фразеологического уровня: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Чебоксары, 2008. – 49 с.
3. Дусалиева Э.А. Ассоциативное поле концепта "мужчина" (ир) в татарском языковом сознании // Культура общения и ее формирование. – Воронеж: Истоки, 2008. – Вып.20. – С.98-102.
4. Аминова А.А., Махмутова А.Н. Аксиологические особенности концепта "женщина" в русском, английском и татарском языках // Сопоставительная филология и полилингвизм: сб. науч. тр. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2003. – С.19-26.
5. См.: Ли Ли. Фразеология в русской языковой картине мира на примере концепта "дом" с позиции носителя китайского языка и культуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 22 с.
6. Замалетдинов Р.Р. Языковые реализации концептов материального мира и их национальная специфика (на примере *θü* и *йорт* в татарском языке) // Вопросы филологии. – 2004. – №2(17). – С.71-73.
7. Аглямова Г.Р. Духовные факторы развития социального потенциала села // Социальная сфера трансформирующегося общества / под ред. М.А.Нугаева, Р.М.Нугаева. – Казань: АН РТ, 1997. – С.6-9.
8. Бердяев Н.А. Судьба России. – М.: Мысль, 1990. – 211 с.
9. Земцовский И.И. Проблема варианта в свете музыкальной типологии // Актуальные проблемы современной фольклористики. – СПб., 1980. – С.37-50.
10. Пронн В.Я. Морфология "волшебной" сказки. – М.: Лабиринт, 1998. – 141 с.

YOUTH IN SPACE OF VALUES OF ETHNIC CULTURES: INTEGRATION AND SEPARATISM (THE REPUBLIC OF TATARSTAN AS AN EXAMPLE)

D.M.Davletshina

In the given article universal mechanisms promoting the formation of the cultural potential in youth are explored both in mono-ethnic and multiethnic regions, including the epoch of total globalization. One of the problems studied the given work is ethno-culture as a platform for conservation and spread of universal human values.

Key words: ethno-culture, multiethnic region, ethno-separatism, coexistentialism.

* * * * *

Давлетшина Диля Мустафовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры хореографического искусства Института филологии и искусств Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: hunter8910@yandex.ru

Поступила в редакцию 24.08.2011